

ГЛАВА 5

Было дело в Грибоедове

Аркан 5. Наименование: *Иерофант.*

Буква евр. алф.: \aleph *Хей.*

Иероглиф: *Дыхание.*

Числовое значение: 5.

Гностический символяриум: *Антропный принцип; Мировой магнетизм; Наука о добре и зле; Квинтэссенция; Религия; Дхарма; Духовность.*

Графический символ: ☆ *Пентаграмма.*

Астральный знак: ♈ *Овен.*

Орденское описание. Антропный принцип реализуется соединением низшей (к Земле) точки Небесной Иерархии и высшей точки Иерархии Земной. Это низший Манас чакрамной системы, полнота ведения премудрости мира сего, квинтэссенция жреческого, духовная основа древнего мира. Символическое изображение

Метатрона — Младшего Сына Триипостасного Божества, Света Вселенной, высшего патрона Ведомства Милосердия Солнечной системы. Планетарный Логос и Метатрон (Христос и архангел Михаил новозаветной мифологии) идеографически и гностически эквивалентны и рознятся только топологически. *Меч*, о котором говорит Иисус в своих проповедях, — молниевидный клинок архангела Михаила; в этом случае он отображает *львиную* часть Христа, его *огненность*, попадание плевел. Агнчая сущность принадлежит человеческому в Нём (*Сыну Человеческому*, как он себя постоянно называл). Метатрон есть совершенный Иерофант Вселенной, идеальный посредник между Высшим Божеством и её обитаемыми уголками («обителями» Нового Завета). Не забудем, что Овен в Зодиакальном круге также принадлежит стихии Огня.

Сидящий между двумя полярными колоннами Иерофант символизирует полноту истины, покоящейся в Святой Святых за его спиной. Жезл с тремя перекладными выражает владение духовной трансмиссией между тремя мирами (русские Навь, Явь и Правь); сумма концов трёхуровневого креста манифестирует божественную семерицу. Римская V, пятёрка, она же буква V слова Victoria (Победа), Ника (греч.), Нетцах (евр.) — 7-ая сефира Сефиротного древа. Два младших жреца в синей и красной одежде, кому даёт распоряжение Иерофант, символизируют как двуполушарную структуру человеческого мозга и парадоксальность мышления, так и гения добра и гения зла, ждущих приказаний со стороны человеческой души; и совесть — их повелитель.

Побуждаемый кое-как проснувшейся совестью Иван в исподнем бьёт рогами, как баран, в тесовые ворота преисподней, жертвенно отрекаясь от всех привилегий, заработанных на пропагандистской совбарщине. Бунт превращает шеол в чистилище для души.

Старинный двухэтажный дом *кремового* цвета на *Бульварном* кольце — дурдом, или бедлам, центр *бульварной* литературы всея Руси и окрестностей, *крематорий* талантов. “*Меркурий во втором доме*” — то же, что в *двухэтажном*, потому как на втором этаже в кабинете Берлиоза получилось “*всё наоборот*”. Тётка *Александра Сергеевича-бис* раздула из фамилии племянника целую ресторацию с фирменным блюдом “*жюльен с грибами*”. Впрочем, всё это из малодостоверной философии закуски; она, как известно, вторична по отношению к поэтике выпивки. Да и *философия* оказалась *любовью к софе*, на коей предпочитала слушать отрывки из «Горя от ума» означенная грибоедовская тётка. В конце концов ресторанный слава племянника далеко превзошла у совслужащих его славу литературную. Что посчитали накликаемым названием знаменитой пьесы.

Так или иначе, “*малосольная*” резиденция Берлиоза гудела, как улей, с утра до вечера. Швондеры лирического пера и шариковы пуха-и-праха критики толклись в циклопических очередях по поводу получения естественных и противоестественных благ и привилегий, возбуждая чёрную зависть у кастратов режима, лишённых вождя членства в Массолите ещё в ранней юности. — *Кто успел, тот и съел*, — неуспевающих просят не беспокоиться.

Кто скажет что-нибудь в защиту зависти? — скандирует нараспев Михаил Афанасьевич “Чацкий”. — Умничает, понимаешь ты, умничает, горький опыт Грибоедова его ничему не научил.

Слух улавливает в толпе патрицианский разговор о христианских мучениях в «Колизее». Особенно впечатляет выразительная цифирь: “в «Колизее» порция супа стоит тринадцать рублей пятнадцать копеек, а у нас — пять пятьдесят!” Булгаков специально пишет числа прописью, задерживая внимание и стучась в мозги. — Вотще! Крик изнутри — “занято!”

Между прочим, код набран выразительный: *чёртова дюжина, аркан Сатанаил, Пятый аркан и числовое значение Четырнадцатого*. — Колокольный перезвон от гроыхания эзотерическими ключами!

“Нет, я категорически против «Колизея!»” — епископальным голосом подытоживает словесное фокусирование Фоки гуманист Амвросий.

В кабинете Берлиоза, наверху, наметилась пародийная псевдовечеря с двенадцатью квазиапостолами из массолитовской верхушки. Снова Булгаков звенит многозначительной цифирью: *пол одиннадцатого*, т. е. *десять тридцать* вечера. Здесь и *Колесо Фортуны*, повернувшееся не к удаче массолитовского главы, и *Повешенный*, недвусмысленно показывающий, что случилось, и, самое удивительное, *пол Одиннадцатого*, намекающий на девушку-вагоновожатую, лишившую головы главу этого самого.

Время ползёт к одиннадцати. Начинается диспут (в стиле одноимённой фрески Рафаэля). В массолитовском чадном аду звучит томная речь о рае на Клязьме. “Ядовито и горько” о нём вспоминает в *миnore Иероним* Поприхин, без пяти минут герой «Записок сумасшедшего».

Пять минут тают на глазах. Отцы сверки поднимают разговор к точке кипения.

“Дач всего двадцать две”, — выкладывает правду-матку Штурман Жорж, открывая на миг таротное число... Но Булгаков его тут же заштриховывает¹.

Завистливые воспоминания о перелыгинском рае заставляют “апостолов” рассвирепеть и взбунтоваться. Послышались вопли: “...один в *пяти* комнатах...”, “...один в *шести*...”. Вечеря превращается в суд присяжных.

“Э, сейчас не в этом дело, — прогудел Абабков, — а в том, что *половина двенадцатого*”.

Повешенный, разрезанный пополам, покачиваясь, призраком возникает в душной атмосфере правления. “Добавочный № 930” (9+3+0=12) ещё усиливает грозную мистику ожидания.

“Он мог бы и позвонить!” — кричали наперебой потерявшие направление правленцы. Интересно, уж не по приведённому ли ниже телефону?

Между тем Берлиоз в виде двух половин лежал на двух цинковых столах и над ним склонилось *пятеро*: профессор судебной медицины, патологоанатом и его прозектор, представители следствия (2 шт.). Вскоре к ним присоединился зам. Бер-

¹ 22 (число Таро) + 7 + 3 + 1 = 33 (число орденских посвятительных степеней), а 11 – последние три числа “в сборке” (сефиротная полнота Кабалистического древа).

лиоза по Массолиту литератор Желдыбин, ставший шестым (см. следующую главу).

Только теперь звучит *гром* вслед просверкнувшей молнии 16-го аркана — строгое слово *морг*.

Словно не смея прозевать ритуальную цифру, правленцы, *поминая недобрым словом* Михаила Александровича, спускаются вниз, в ресторанное чрево Массолита, в “красивые, но душные залы”.

“И ровно в полночь в первом из них что-то грохнуло, зазвенело, посыпалось, запрыгало. И тотчас тоненький мужской голос отчаянно закричал под музыку: «Аллилуйя!!» Это ударил знаменитый грибоедовский джаз. ...И вдруг, как бы сорвавшись с цепи, заплясали оба зала, а за ними и веранда”.

Два зала, полные сил *з(а)ла*, Гоголевских *мёртвых душ* и Толстовских *живых трупов* в фантазмагории вселенского шабаша, описанные гротесковой кистью Гойи — вот что открывается перед *глазами*. “Тонкий голос (евреиновское “козлогласование”. — ОК) уже не пел, а завывал: «Аллилуйя!» ...Словом, *ад*”.

Так что Данте путешествовал по театральным задворкам, а *ад* — вот он: Тверской бульвар, 25.

“И было в полночь видение в аду. Вышел на веранду черноглазый красавец с кинжальной бородой, во фраке и царственным взором окинул свои владения”. Ещё мгновение — и зазвучат знаменитые куплеты «На земле весь род людской», и раздастся громopodobный хохот и (уже из другой оперы) свист.

Человек выстраивает образ Дьявола по своему — звериному — образу и подобию, и модель получается во много раз страшнее-гнуснее-пошлее оригинала.

“О боги, боги мои, яду мне, яду!..”

Всё смертное в смерть и утыкается.

Едва вспорхнуло (курицей с только что отрубленной головой) слово “Берлиоз!”, как ужас перед Косой сковал смертное царство.

Лишь на минуту.

“Да, погиб, погиб... Но мы-то ведь живы!”

И белые мыши вновь забегали по задремавшему от сытости удаву, только что заглотавшему их менее удачливого товарища. “Да ведь мы-то живы!” — Не обращайтесь значения! — как говорят в этом случае трезвейшие из всех — горькие пьяницы.

Однако приготовления к “проводам в последний путь” правленцы, рыгая икрой, в полном составе обсудили.

“Аллилуйю” пресекли по неуместности.

И здесь последовало ещё одно *видение*.

К ресторану приблизился крестный ход в составе одного приведения. Фантом “был бос, в разодранной *беловатой* толстовке, к коей на груди английской булавкой была приколата бумажная иконка со стёршимся изображением неизвестного святого, и в полосатых *белых* кальсонах. В руке [он] нёс зажжённую венчальную свечу”. При ближайшем рассмотрении фантом оказался известным комсомольским поэтом, автором популярных атеистических стихов Иваном Бездомным.

Белую венчальную пару дополнили, подытожив: “Готово дело. *Белая горячка*”. — Важный вывод, объясняющий испрошенное в начале Романа пивко: Иван — пьянь, как, впрочем, и положено быть “лирическому поэту”. Поэтому и “мистик”, поэтому и на Воланда среагировал — *допился до чёртиков*.

“— Он появился!” — объявил Бездомный пророческим голосом, стараясь *глаголом жечь* по мере возможности.

“— Что? Что? ...Кто появился? <...>

— Консультант!” — крикнул Иван из кальсон так, что люстры зазвенели стеклярусом.

Следует угадывание фамилии профессора на «Вэ», и на смену Берлиозу из иных палестин в Грибоедов wpłyвает Вагнер в окружении валькирий на ту же букву. Но Рихард, хоть и в берете, и даже в Байрейте, не подходит.

“— Вот что, граждане: звоните сейчас же в милицию, чтобы выслали *пять* мотоциклетов с пулемётами профессора ловить”.

Наконец “шаферá” упаковывают “жениха” белыми же — под цвет горячки — полотенцами и в виде хризалиды отправляют к третьему композитору, специалисту по Петрушкам, Жар-птицам и Иванам-дуракам. Куклу сопровождает поэт Рюхин и папаша Бунши, вызванный по этому поводу из буфетной. *Шофер* со злым лицом, милиционер, Пантелей, Рюхин и Бездомный образуют заключительную пятерницу этой главы.